

Судьбы

«Я потонула

Моск. правда - 2002 - 23 мая - с. 7.

В мертвой воде...»

В серии «Бессмертные имена» издательства «Центрполиграф» вышла «Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс» **Анны Саакянц**. Книга по-своему уникальная: ни в одной другой личности Марины Ивановны не присутствует столь полно, причем в тесном «взаимодействии» со стихами. При этом «высокое» в жизни поэта так органично, взаимосвязанно переплетается с «низким», с фактами, которые долгие годы считали нужным если не замалчивать, то ретушировать. Отношение А. Саакянц к Цветаевой не только исследовательское, но личное: автор книги была хорошо знакома с дочерью Марины Ивановны, Ариадной Эфрон, многое узнала, таким образом, «из первых рук», получила от Ариадны Сергеевны и какие-то документы.

Описывая Цветаеву как человека, в общении нелегкого, в отношениях, мягко говоря, нестандартного, А. Саакянц - в лучших традициях советской либеральной мысли - настаивает на том, что поэт не может быть судим «на общих основаниях», что общество - его должник. И таким образом полностью разделяет позицию самой Марины Ивановны, писавшей: «Для меня... мерило в любви... - помощь, и именно в быту: в деле швейном, квартирном, устройством и пр. Ведь только (хорошо «только»!) с бытом мы не умеем управиться, он - Ахиллесова пята, так займись им, а не моей душой, все эти «души» - лизание сливок или, хуже, упырьство. Высосут, налагаются - и «домой», к жене, к детям, в свой «упорядоченный» быт. Черт с такими друзьями!» О том же, не приминительно к Андрею Белому: «Восхищаться стихами - и не пойти ему вслед, не затопить ему печь, не вымести ему сор, не отблагодарить его за то, что он - есть». Из этого исходит и А. Саакянц.

Может, потому она так отважно касается и полузапретного в биографии Цветаевой - что имела опыт (как сказано) «сафической» любви, что влюблялась все время и требовала ответного чувства, что, проравшись к мужу на Запад, не дождалась его приезда (несколько дней ей надо было подождать) и влюбилась в очередной раз и т. п. Впрочем, не скрыт и неуспех Марины Ивановны у мужчин (сама Цветаева писала: «Я не нравлюсь полу»). Саакянц объясняет это безбрежной открытостью Марины Ивановны каждому чувству, а в поддержку этой точки зрения цитирует

мужа Марины Ивановны, Сергея Яковлевича Эфрона: он страдал, но - рыцарь! - все понимал.

Поэт словно отзывается на такое к себе отношение: Цветаева, и правда, словно открывается - живая, умная, проницательная, трогательная, отважная. Иногда даже наивно-нахальная. Так, после первого литературного успеха познакомившись с

В. В. Розановым, отправляет ему письмо. Сообщает, что директор гимназии, где учится Сергей Эфрон, «на вас молится» и в связи с этим буквально предписывает: послать директору книгу Розанова «Опавшие листья» в сопровождении ласкового письма и расхвалить при этом Сережу. «Обращаюсь к Вам, как к папе». Внятно объяснена страшная история с

младшей дочкой Цветаевой - та умерла в приюте, Марина Ивановна не поехала на похороны. Лишний раз вспомнишь евангельское «Не судите - да не судимы будете!» Ясно сознаешь, что и за границей Цветаева бы жить не могла. Уезжала туда и понимала: «Там... люди жестче. Здесь рваная обувь - беда или доблесть, там - позор». Понимаешь, что была, конечно, не вполне здорова. С. Я. Эфрон отмечает в жене «острую жизнебоязнь». А крик, на котором она повесилась, оказывается, соблазнял ее с молодых лет.

Жила на грани: с одной стороны, нуждалась в помощи (оплатить которую было нечем), с другой - всегда полагала, что «нужно быть мертвым, чтобы предпочитать деньги». Может показаться, что Цветаеву поломала советская жизнь - ведь даже на занятия по противовоздушной обороне ходила. Но на самом деле она ощущала то - чрезвычайное - насилие как всякое другое насилие. Ведь для нее жизнь была насилием над нею. Противостояла - в стихах. В поэме о царице Софье ощущала мытарства ее как свои. И за это произнесла анафему Петру Первому - да как! Он получился предшественником ненавистной советской власти: «Ты под котел кипящий этот / Сам подложил уголь! / Родоначальник ты - Советов, / Ревнитель Ассамблей!» И дальше: «На Интернационал - за терем! За Софью - на Петра!» Жизнь у нее переливалась в стихи, это еще Брюсов заметил - но не буквально, а эмоционально. При любой власти Цветаевой приходилось лихо - ей же выпала власть самая жестокая в самый свирепый период этой власти. Эпоха убила ее. Но не победила. Поэта победить невозможно.

Татьяна БЛАЖНОВА.

